Тайная жизнь писателей

Автор:
Гийом Мюссо

Тайная жизнь писателей

Гийом Мюссо

Поединок с судьбой

Рафаэль Батай – начинающий писатель, который никак не может ухватить удачу за хвост. Рукопись его романа «Застенчивые вершины» не привлекает издателей, и он получает один отказ за другим. В поисках вдохновения он отправляется на остров Бомон, чтобы найти там своего кумира – Натана Фаулза, автора трех невероятных романов. Загвоздка лишь в том, что Фаулз много лет назад без объяснения причин оставил писательское ремесло и стал практически отшельником – он живет один, не дает интервью и отказывается общаться с кем бы то ни было. Однако Рафаэль полон решимости разгадать его тайну. Заинтересована писателем и швейцарская журналистка Матильда Моннэ, в руки которой попали странные снимки, имеющие к Фаулзу прямое отношение. Пока двое, каждый на свой лад, пытаются подобраться к тайнам автора, безмятежный остров потрясает ужасное убийство – труп женщины нашли распятым на древнем эвкалипте Бомона, который жители прозвали Бессмертным. Именно старые фотографии убитой Аполлин Шапюи Матильда хотела показать Фаулзу. Так что же скрывает отшельник, бросивший писать?

Гийом Мюссо

Тайная жизнь писателей

Guilliaume Musso LA VIE SECRETE DES ECRIVAINS

Copyright © Calmann-L?vy, 2019

© Calmann-L?vy, 2019

© Emanuele Scorcelletti

© А. Кабалкин, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Guillaume Musso «La vie secr?te des ecrivains» 2019

Посвящается Натану

Чтобы выжить, нужно рассказывать истории.

Умберто Эко. Остров накануне

Пролог

Загадка Натана Фаулза

(«Ле Суар», 4 марта 2017 г.)

Автор легендарной «Лорелеи Стрендж», исчезнувший с литературной сцены около двадцати лет назад, по-прежнему завораживает читателей всех возрастов. Удалившись на остров в Средиземном море, писатель упорно отказывается от общения с прессой. Рассказываем о затворнике с острова Бомон.

Это называется «эффект Стрейзанд»: чем настойчивее что-то скрываешь, тем больше любопытства вызывает то, что ты пытаешься скрыть. Внезапно покинув литературный мир в возрасте 35 лет, Натан Фаулз стал жертвой этого порочного механизма. Жизнь франко-американского писателя, увенчанного нимбом загадочности, уже два десятилетия неизменно вызывает слухи и сплетни.

Фаулз родился в 1964 г. в Нью-Йорке, его отец – американец, мать – француженка. Проведя детство в предместьях Парижа, он возвращается в США для продолжения учебы сначала в Академии Филлипса, потом в Йельском университете, который оканчивает с дипломом юриста и политолога. Занявшись гуманитарной деятельностью, он несколько лет работает в международных организациях «Борьба с голодом» и «Врачи без границ» в Сальвадоре, Армении и Курдистане.

Успешный писатель

В 1993 г. Натан Фаулз возвращается в Нью-Йорк и публикует свой первый роман «Лорелея Стрендж», повествующий о первых жизненных испытаниях юной девушки, пациентки психиатрической клиники. Успех романа не был мгновенным, но за несколько месяцев он приобрел популярность среди молодежи и занял верхнюю строчку в списке бестселлеров. Через два года второй роман Фаулза «Американский городок», внушительный многогранный труд в тысячу страниц, награждается Пулитцеровской премией и утверждает писателя в роли обладателя одного из наиболее оригинальных голосов в американской словесности.

Первый сюрприз писатель преподносит литературному миру в 1997 г. Обосновавшись в Париже, он публикует свой новый текст, на этот раз на

французском языке. Это «Сраженные молнией» – душераздирающая история любви и одновременно размышления о скорби, внутренней борьбе, силе слова. Французский читатель открывает для себя Фаулза только теперь, особенно благодаря его участию в специальном выпуске телепрограммы «Культурный бульон» вместе с Салманом Рушди, Умберто Эко и Марио Варгасом Льосой. Выступление в этой же программе в ноябре 1998 г. окажется его предпоследним появлением перед камерами и микрофонами. Еще через семь месяцев 35-летний Фаулз сообщает в едком интервью агентству «Франс-Пресс» о своем бесповоротном решении бросить писать.

Затворник с острова Бомон

С того самого дня писатель не изменяет принятому решению. Поселившись в доме на острове Бомон, он не публикует ни строчки и не дает интервью журналистам. Он отвергает все предложения об экранизации его романов на большом экране и на телевидении (Netflix и Amazon недавно в очередной раз обломали об него зубы, несмотря на высокую, как утверждают, финансовую привлекательность их предложений).

Скоро двадцать лет, как «затворник с Бомона», упорно храня молчание, не перестает будоражить воображение публики. Почему Натан Фаулз в возрасте всего тридцати пяти лет, находясь на вершине успеха, добровольно решил удалиться от мира?

«Никакой тайны Натана Фаулза не существует, – уверяет Джаспер Ван Вик, его давний литературный агент. – Здесь не о чем гадать. Просто Натан занялся другими делами. Мир писательства он оставил позади». На расспросы о повседневных занятиях писателя Ван Вик отвечает туманно: «Насколько мне известно, Натан посвятил себя частной жизни».

Чтобы жить счастливо, сиди и не высовывайся

Чтобы покончить с тщетными ожиданиями читателей, литературный агент уточняет, что писатель «не написал за двадцать лет ни единой строчки», и решительно добавляет: «Лорелею Стрендж» часто сравнивали с «Над пропастью во ржи», но Фаулз – не Сэлинджер: в его доме нет сейфа

с рукописями. Новый роман Натана Фаулза никогда не появится, даже после его смерти. Это можно заявить со всей уверенностью».

Но любопытных, желающих докопаться по самой сути, не обескураживает даже это. Многочисленные читатели и журналисты годами тянутся на остров Бомон, где бродят вокруг дома Фаулза. Однако дверь дома неизменно закрыта. Кажется, недоверчивость – отличительная черта всех обитателей этого острова. Чему удивляться, если еще до появления здесь писателя их девизом стала фраза: «Хочешь жить счастливо – сиди и не высовывайся». «Муниципалитет не раскрывает личностей жителей, знаменитых и не очень» – таков лаконичный комментарий секретариата мэра. Говорить о писателе соглашается мало кто из островитян. Те, кто не возражает нам ответить, описывают свое соседство с автором «Лорелеи Стрендж» как нечто, не заслуживающее внимания. «Натан Фаулз не сидит в четырех стенах, не замыкается в себе, – утверждает Ивонна Сикар, жена единственного на острове врача. – Его часто видят за рулем его «Мини-Мок», он ездит за покупками в «Уголок» Эда, единственный супермаркет острова». Еще он бывает в питейном заведении, «например, когда транслируют матчи марсельского футбольного клуба «Олимпик», – уточняет хозяин пивной. Как отмечает один из завсегдатаев, «Натан – не дикарь, что бы ни придумывали журналисты. Нет, он приятный человек, знаток футбола, любитель японского виски». Поколебать его спокойствие способна всего одна тема: «Если попытаться заговорить с ним о его книгах или о литературе, то он встанет и уйдет».

Дыра в литературе

Среди собратьев по перу много пламенных поклонников Фаулза. Например, им бесконечно восхищается Том Бойд. «Я обязан ему чудеснейшими переживаниями от чтения, он, бесспорно, принадлежит к писателям, перед которыми я в неоплатном долгу»», – признается автор «Трилогии ангелов»[1 - Герой романа Г. Мюссо «Бумажная девушка». М.: Эксмо. – Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, прим. перев.]. Прославляет Фаулза и Тома Дегале[2 - Персонаж романа Г. Мюссо «Девушка и ночь». М.: Эксмо.], считающий, что всеми тремя своими книгами, столь непохожими одна на другую, он внес несомненный вклад в литературу. «Конечно, я вместе со всеми сожалею, что он покинул литературную сцену, – заявляет этот французский романист. – Нашей эпохе недостает его голоса. Мне бы хотелось возвращения Натана на поле боя

с новым романом, но, думаю, этого никогда не произойдет».

Это весьма вероятно, но не забудем, что эпиграфом для своего последнего романа Фаулз избрал фразу короля Лира:

…И звездами, благодаря которым

Родимся мы и жить перестаем,

Клянусь…

Жан-Мишель Дюбуа

Писатель, бросивший писать

Издательство Кальман-Леви

21, ул. Монпарнас

75006 Париж

Исходящий №: 379529

Г-ну Рафаэлю Батаю

75, авеню Аристид Бриан

92120 Монруж

Париж, 28 мая 2018 г.

Месье,

мы получили вашу рукопись «Застенчивые вершины» и благодарим за доверие, оказанное нашему издательству.

Ваша рукопись внимательно рассмотрена нашей редакционной коллегией. К сожалению, она не относится к тому типу произведений, в которых мы заинтересованы в настоящее время.

Желаем вам как можно быстрее найти издателя для этого произведения.

С уважением,

Литературный секретарь

P. S. Вы можете забрать рукопись из редакции в течение месяца. Если вы желаете получить ее обратно по почте, то мы будем вам признательны за пересылку конверта с маркой.

1

Первое качество писателя

Первое качество писателя – крепкий зад.

Дани Леферьер

11 сентября 2018 г., вторник

1

В пылающем небе хлопали на ветру паруса.

Яхта отчалила от берега Вара в час с небольшим и теперь шла на скорости пять узлов в час к острову Бомон. Сидя у штурвала, рядом со шкипером, я наслаждался зрелищем открытого моря, купался в золотистом мерцании средиземноморской глади.

Утром того дня я покинул свою квартирку под Парижем и сел в шестичасовой скоростной поезд до Авиньона. Из «города пап» я доехал на автобусе до Йера, а оттуда на такси до маленького портового городка Сен-Жюльен-ле-Роз – единственного места, откуда ходит паром на Бомон. Из-за задержки поезда я примчался на пристань слишком поздно: единственный дневной паром отчалил за пять минут до моего появления. Ковыляя по причалу с чемоданом, я попался на глаза капитану голландского парусника, который как раз собирался плыть на остров за клиентами и любезно предложил захватить меня с собой.

Мне только что исполнилось 24 года, и в моей жизни наступил трудный момент. За два года до этого я окончил парижское коммерческое училище, но искать работу по специальности не стал. Я выучился только ради спокойствия родителей и не хотел посвящать жизнь ни менеджменту, ни маркетингу, ни финансам. Два года я перебивался подработками, чтобы было чем платить за крышу над головой, и тратил всю свою творческую энергию на сочинение романа «Застенчивые вершины», отвергнутого потом десятком издательств. Письма с отказом я крепил над своим письменным столом. Каждый раз, втыкая очередную кнопку в пробковую доску, я морщился от сердечной боли, ибо с силой моего уныния могла сравниться только сила моей страсти к сочинительству.

К счастью, хандра никогда не длилась долго. До сих пор мне всегда удавалось себя уговорить, что все эти провалы – преддверие успеха. Для пущей убедительности я цеплялся за знаменитые примеры. Стивен Кинг часто повторял, что от «Кэрри», его первого романа, отказалось целых тридцать издательств. Половина лондонских издательств сочла первый том «Гарри Поттера» «слишком длинным для детей». Прежде чем стать самым продаваемым в мире фантастическим романом, «Дюна» Фрэнка Герберта пережила двадцать отказов. А Фрэнсис Скотт Фицджеральд вообще увешал свой кабинет ста двадцатью двумя письмами с отказами от журналов, которым он предлагал свои рассказы.

Но этот «метод Куэ» уже показал свою ограниченность. Как ни напрягал я волю, мне все труднее было снова садиться писать. Меня парализовал не «синдром чистой страницы», не нехватка идей. Нет, меня преследовало гнетущее ощущение, что писание застопорилось, что пропало понимание, куда двигаться дальше. Я нуждался в свежем взгляде на свой труд, в чьем-то доброжелательном, но непредвзятом мнении. В начале года я записался на курсы «творческого письма» в одно престижное издательство. Я возлагал на эту писательскую мастерскую большие надежды, но быстро в ней разочаровался. Писатель, проводивший занятия – Бернар Дюфи, романист, гремевший в 1990-е годы, – хвалился, что он непревзойденный виртуоз стиля. «Центром вашей работы должен быть ЯЗЫК, а не история, – не уставал он твердить. – Повествование – это всего лишь обслуга языка. Книга не может иметь иной цели, кроме поиска формы, ритма, гармонии. Здесь коренится единственная мыслимая оригинальность, ибо со времен Шекспира все истории уже сочинены».

Я выложил за эту премудрость тысячу евро, отбыв три занятия по четыре часа, и вышел вон в бешенстве и без гроша. Возможно, Дюфи был прав, но лично я придерживался прямо противоположного мнения: конечная цель – не стиль. Первейшее качество писателя – уметь захватить читателя хорошей историей, повествованием, способным вырвать его из плена повседневности и погрузить в правду, показать подноготную персонажей. Стиль – не более чем средство придать рассказу нерв, заставить вибрировать. В сущности, мнение Дюфи с его академизмом было мне ни к чему. Единственным, чье мнение могло иметь значение, был мой неизменный идол, самый мой любимый писатель Натан Фаулз.

Я открыл для себя его книги еще совсем юнцом. Фаулз к тому времени уже давно бросил писать. «Сраженных молнией» – его последний роман – презентовала мне Диана Лабори, подружка по выпускному классу, в качестве подарка в честь нашего разрыва. Роман потряс меня гораздо сильнее, чем утрата любви, никакой любовью не бывшей. Я стал жадно читать другие две книги, «Лорелею Стрендж» и «Американский городок». Ничего более вдохновляющего я с тех пор не встречал.

Мне казалось, что уникальная манера Фаулза предназначена именно для меня, именно ко мне обращена. Его романы были плавными, живыми, насыщенными. Я ни от кого не сходил с ума, но эти книги читал и перечитывал, потому что они

говорили со мной обо мне самом, о моих отношениях с другими людьми, о том, как трудно удерживать штурвал жизни, об уязвимости людей, о хрупкости нашего существования. Они придавали мне сил и удесятеряли мое желание писать.

В годы, последовавшие за отказом Фаулза от творчества, его стиль пытались имитировать другие писатели. Они силились дышать его вселенной, просчитывать его способ построения сюжета, подражать его чуткости. Но я видел, что это едва ли кому-то по плечу. Натан Фаулз был один такой, единственный и неповторимый. Всякий читатель, независимо от личных симпатий, вынужден был признать, что другого подобного ему нет. Даже слепой, прочтя хотя бы страницу его книги, набранной азбукой Брайля, понимал, кто автор. Я всегда считал это истинным мерилом таланта.

Сам я скрупулезно разбирал его романы, пытаясь проникнуть в их тайны; потом загорелся желанием установить с ним контакт. Не надеясь на ответ, я несколько раз обращался к нему через его французское издательство и американского агента. Свою рукопись я ему тоже отправил.

И вот десять дней назад я обнаружил на официальном сайте острова Бомон предложение работы. Островному книжному магазинчику «Алая роза» требовался продавец. Я сразу написал туда письмо, и в тот же день Грегуар Одибер, хозяин магазинчика, связался со мной по FaceTime и сообщил, что остановился на моей кандидатуре. Продавец был нужен ему на три месяца. Платить он обещал не много, зато предоставлял жилье и две кормежки в день в «Форт де Кафе», одном из ресторанчиков на деревенской площади.

Я пришел в восторг от такой перспективы, ведь, как можно было понять из письма, мне хватит времени, чтобы писать, да еще в столь вдохновляющей обстановке! А главное, я познакомлюсь там – прочь сомнения! – с самим Натаном Фаулзом.

3

Шкипер заложил вираж, яхта сбавила ход.

– Прямо по курсу земля! – крикнул он, указывая подбородком на вырисовывающийся на горизонте силуэт острова.

Остров Бомон, находящийся в сорока пяти минутах плавания от берега Вара, имеет форму полумесяца шириной в шесть километров и длиной в пятнадцать. Его издавна славили как уголок дикой нетронутой природы, одну из жемчужин Средиземноморья, ожерелье с бусинами-бухточками с бирюзовой водой, сосновыми рощами и пляжами с мелким песочком, первозданный Лазурный Берег без туристов, мусора и бетона.

За последние десять дней я успел проштудировать все мыслимые материалы об острове. С 1955 года Бомон принадлежал скрытному семейству итальянских промышленников Гальинари, которые в начале 60-х годов вкладывали умопомрачительные суммы в обустройство острова, в том числе в канализацию, разбивку террас и в строительство одной из первых на побережье спортивных гаваней.

Годами развитие острова следовало четкому принципу: никогда не жертвовать благополучием жителей ради веяний современности. Для островитян существовали две существенные угрозы: спекулянты и туристы.

С целью ограничить строительство Совет острова ввел простое правило: заморозить общее количество счетчиков воды по примеру калифорнийского городка Болинас, давно избравшего этот путь. Благодаря этому решению население здесь вот уже тридцать лет не превышает цифру в полторы тысячи человек. На Бомоне обходились без агентства недвижимости: часть собственности переходила по наследству, для остальных действовал механизм кооптации. Сдерживанию туризма способствовало строгое ограничение транспортного сообщения с континентом. Что в высокий сезон, что зимой единственный «челнок» – знаменитый «Смельчак», гордо именовавшийся паромом, – сновал туда-обратно трижды в день, и ни разу больше, отходя от причала Бомона в направлении Сен-Жюльен-ле-Роз в 8 утра, в 12.30 и в 19 часов. Все происходило по старинке: без предварительного заказа билетов, с соблюдением приоритета для местных жителей.

Справедливости ради надо уточнить, что Бомон не был враждебен к туристам, просто там для них ничего не было предусмотрено. На острове насчитывалось всего три кафе, два ресторанчика и одна пивная. Отеля не было, островитяне редко сдавали жилье приезжим. Но чем больше людям отбивали желание

заглядывать на остров, тем более загадочным он казался, тем сильнее манил. Помимо местного населения, проживавшего там круглый год, имелись и богачи, хозяева второго типа жилья на острове. За десятилетия там прижились немногочисленные бизнесмены и художники, плененные безмятежностью этого буколического местечка. Одному владельцу хай-тек-компании и двум-трем солидным виноделам удалось обзавестись на острове виллами. Но богатство и известность там не ценились, привлекать к себе внимание не было принято. Островное сообщество не спешило раскрывать объятия новичкам, идя им навстречу только на том условии, что они примут ценности, соответствующие духу Бомона. Между прочим, недавно поселившиеся на острове люди защищали его ревностнее всех остальных.

Эта замкнутость вызывала критику и даже негодование у тех, кому дали от ворот поворот. В начале 1980-х годов правительство социалистов делало попытки выкупить Бомон – официальной целью объявлялось намерение внести его в список охраняемых территорий, но на самом деле задачей было покончить с его своеобразным статусом. Однако в ответ вскипела такая волна возмущения, что правительству пришлось отступить. Власти зарубили себе на носу, что остров Бомон – особенное место, крохотный, омываемый хрустальными водами райский уголок в считаных кабельтовых от побережья Вара, кусочек Франции, но все же не вполне Франция.

4

Высадившись на берег, я поволок свой чемодан по пристани. Спортивный порт был невелик, но прекрасно оборудован и полон очарования. Городок нависал кольцевым амфитеатром над гаванью, под безоблачным ослепительным небом пестрели ярусы разноцветных домиков. Сначала это зрелище напомнило мне греческий остров Идра, где я побывал в детстве с родителями, но стоило мне зашагать по крутым узким улочкам, и я переместился в Италию 60-х годов. Немного погодя, забравшись достаточно высоко, я впервые увидел белые песчаные пляжи и невольно сравнил их с дюнами Массачусетса. Завершая первое знакомство с островом по пути к центру городка под стук колесиков своего чемодана, я понял, что уникальность и волшебство Бомона – плоды именно этого неуловимого сочетания. Бомон оказался хамелеоном, ни на что не похожим, сопротивляющимся любой классификации, местом, не поддающимся анализу и обманывающим ожидания.

Я быстро добрался до центральной площади. Теперь все вокруг меня – не то деревня, не то провинциальный городок – казалось вышедшим из романа Жана Жионо. Сердце Бомона носило название «площадь Мучеников». Здесь имелось все, что полагается: тенистые деревья, башня с часами, монумент павшим солдатам, звонкий фонтан, площадка для игры в петанк.

Бок о бок, увитые виноградом, здесь стояли вывески местных ресторанчиков: «Сен-Жан-Ивер» и «Ле-Фор-де-Кафе». На террасе последнего я узнал сухой профиль Грегуара Одибера, доедавшего артишоки в перечном соусе. Больше всего он смахивал на старомодного школьного учителя: бороденка с проседью, тесная жилетка, длиннополый мятый пиджак из льна.

Узнав меня, он величественным жестом пригласил меня к себе за столик и налил, как школьнику, лимонаду.

– Должен первым делом предупредить: в конце года я закрываю лавочку, – сразу огорошил он меня.

– То есть как?

– Потому мне и понадобился сотрудник: надо все разобрать, сосчитать, провести последнюю инвентаризацию.

– А потом вы оставите ключи под дверью?

Он утвердительно кивнул, подбирая ломтем хлеба остатки оливкового масла из тарелки.

– Почему?

– Потому что мое занятие утратило смысл. Год за годом оно приносило все меньше денег, этот процесс необратим. А то вы не знаете, что к чему: власти не препятствуют процветанию гигантов сети, не платящих во Франции налоги.

Владелец книжного магазина вздохнул, немного поразмыслил и добавил, как фаталист-провокатор:

– Будем реалистами. Зачем тащиться в книжный магазин, когда со своего айфона можно в три клика заказать любую книгу?

– По массе причин! Вы уже нашли покупателя для своего гиблого бизнеса?

Одибер пожал плечами.

– Он никому не нужен. Нынче книга – самый нерентабельный товар. Мой книжный магазин – не первый, вынужденный закрыться. И не последний.

Он перелил остатки вина в графине себе в бокал и выпил залпом.

– Идемте, покажу вам «Алую розу», – сказал он, складывая салфетку и вставая.

Я зашагал следом за ним через площадь к магазину. Смертельно скучная витрина была заставлена книгами, собиравшими пыль уже много месяцев. Одибер толкнул дверь и посторонился, пропуская меня внутрь.

В магазине царила такая же тоска, как и на витрине. Мрачные стены превращали помещение в темную пещеру. Полки из ореховой древесины сами по себе выглядели привлекательно, но от отягощавшей их классики веяло отталкивающим снобизмом. То была культура в самом академическом понимании. Я уже начал понимать, что за человек Одибер, и догадывался, что его хватил бы удар от одного предложения торговать фантастикой, фэнтези и японскими комиксами.

– Сейчас познакомитесь с вашей комнатой, – сказал он, указывая на деревянную лестницу в глубине магазина.

Владелец обитал на втором этаже, а меня поселил на третьем, в длинной мансарде. За скрипучими окнами до полу меня ждала приятная неожиданность – выходящий на площадь балкон. Шикарный морской вид несколько меня приободрил, как и путаница улочек, устремлявшихся к берегу, виляя между разномастными домишками цвета охры, сложенными из впитавших седую старину камней.

Разобрав свои вещи, я спустился в магазин, где Одибер принялся объяснять, что ему от меня нужно.

– Вайфай работает через пень-колоду, – предупредил он, включая старый компьютер. – То и дело приходится ходить наверх и перезагружать роутер.

Пока компьютер оживал, хозяин включил электрическую плитку и залил воду в кофеварку.

– Как насчет кофе?

– С удовольствием.

Оставив его колдовать над кофе, я прошел по магазину. На щите за кассой красовались древние страницы еженедельника Livres Hebdo из времен, когда творил Ромен Гари (если я преувеличил, то несильно). Меня тянуло раздвинуть шторы, скатать и убрать в дальний угол вытертые багровые ковры, совершенно иначе расставить все на полках и на выкладке.

Одибер, оказывается, умел читать мысли.

– «Алая роза» открылась в 1967 году. Нынче книготорговля приносит одни убытки, не то что тогда… В те времена сюда валом валили французские и зарубежные авторы. Обожали устраивать здесь читательские встречи и подписывать свои новинки.

Он достал из ящика книгу благодарностей в кожаном переплете. В ней оставили автографы Мишель Турнье, Жан-Мари Гюстав Леклезио, Франсуаза Саган, Жан д’Ормесон, Джон Ирвинг, Джон ле Карре и… Натан Фаулз.

– Вы всерьез собираетесь закрыть магазин?

– Без всякого сожаления, – подтвердил он. – Люди больше не читают, что с этим поделаешь?

Я был не столь категоричен:

– Читают, только по-другому.

Одибер выключил плитку, прервав свист итальянской кофеварки.

– Ладно, вы же понимаете, о чем речь. Я говорю не о развлечении, а о настоящей литературе.

Как же, как же, о ней, любимой, о «настоящей литературе»… В какой-то момент такие люди, как Одибер, обязательно поминали ее заодно с «настоящими писателями». Но я никогда ни за кем не признавал права учить меня, что читать, а чего не читать. Привычка корчить из себя судью, выносящего приговор, что литература, а что нет, казалась мне недопустимым самомнением.

– Много вы знаете настоящих читателей? Вряд ли они вокруг ходят толпами, – не унимался разочаровавшийся торговец духовной пищей. – Я об умных читателях, посвящающих много времени чтению серьезных книг. – Не дожидаясь ответа, он, распалившись, зачастил: – Между нами говоря, сколько во Франции осталось настоящих книгочеев? Десять тысяч? Пять? Думаю, и того меньше.

– Какой вы пессимист!

– Ничего подобного! Нужно себе признаться: мы вползаем в литературную пустыню. Нынче все хотят быть писателями и никто не читает.

Желая закрыть эту тему, я указал на фотографию Фаулза в альбоме:

– Это Натан Фаулз. Вы с ним знакомы?

Одибер прищурился, соображая, как лучше ответить.

– Так, немножко… Настолько, насколько возможно быть знакомым с Натаном Фаулзом…

Он подал мне чашку кофе цвета и консистенции чернил.

– Фаулз представлял здесь свою книгу не то в девяносто пятом, не то в девяносто шестом. Он тогда в первый раз попал на остров. Между прочим, это

я помог ему купить здесь дом, называется «Южный Крест». И все, после этого мы перестали общаться.

– Он заглядывает к вам в магазин?

– Нет, никогда.

– Как вы думаете, если я к нему приду, он не откажется подписать для меня свою книгу?

Одибер вздохнул и покачал головой.

– Советую сразу отказаться от этой мысли. Иначе можно запросто схлопотать пулю.

Интервью Натана Фаулза агентству «Франс Пресс» (отрывок)

(12 июня 1999 г.)

Вы подтверждаете, что в 35 лет, в зените славы, вы завершаете свою карьеру романиста?

– Да, я со всем этим покончил. Десять лет я посвятил серьезной писанине, десять лет день за днем елозил задницей по стулу с раннего утра, впившись взглядом в клавиатуру. Не желаю больше такой жизни.

Ваше решение бесповоротно?

– Да. Искусство вечно, жизнь коротка.

Тем не менее в прошлом году вы сообщили, что трудитесь над новым романом с предварительным названием «Непобедимое лето».

– Так, наброски. Начал и бросил.

Что вы скажете вашим многочисленным читателям, ожидающим от вас нового произведения?

– Пускай не ждут. Я больше не стану писать книг. Читайте других авторов, этого добра навалом.

Трудное дело – писать?

– Да, но, без сомнения, легче многого другого. Трудность, источник страха – в иррациональности писательского труда: то, что ты написал три романа, не значит, что у тебя получится четвертый. Здесь нет ни метода, ни правил, ни размеченных маршрутов. Начало каждого нового романа – это прыжок в неведомое.

А что вы умеете, кроме этого?

– Вроде бы у меня недурно получается телячье рагу.

Как вы считаете, ваши романы войдут в историю?

– Надеюсь, что нет.

Какую роль может играть литература в современном обществе?

– Никогда не задавался этим вопросом и не собираюсь начинать сегодня.

Вы также приняли решение больше не давать интервью?

– Надавал уже… Дурацкое, бессмысленное занятие, годится разве что для рекламы. Чаще всего – если не всегда – слова перевирают, вырывают из контекста. Сколько я ни пытался «объяснять» свои романы, результат был неудовлетворительный, с ответами на вопросы о моих политических взглядах и личной жизни дела обстояли еще хуже.

Знание биографии любимого писателя все-таки помогает лучше понять его творчество…

– Я согласен с Маргарет Этвуд: желание повстречать автора понравившейся книги сродни желанию повстречать утку из-за любви к фуа-гра[3 - Atwood Margaret. Negotiating with the dead: a writer on writing. Cambridge University Press, 2002. P. 47.].

Но разве не естественно желание попытать писателя о смысле его труда?

– Нет, это противоестественно. Писатель годен только для того, чтобы его читать.

2

Учиться писать

Ремесло писателя уступает прочностью ремеслу жокея.

Джон Стейнбек

Неделю спустя

18 сентября 2018 г., вторник

1

Наклонив голову и вцепившись в руль, я из последних сил крутил педали, штурмуя возвышенность на восточной оконечности острова. С меня крупными каплями катил пот. Прокатный велосипед стал весить добрую тонну, лямки рюкзака врезались мне в плечи.

Я тоже очень быстро влюбился в Бомон. Я жил здесь уже неделю и использовал любую возможность, чтобы изучить его вдоль и поперек.

Северный берег я успел исследовать на совесть. Это там находится порт, главный «город» и самые красивые пляжи. Скалистый южный берег не так доступен, более дик, но не менее красив. Я побывал там, на полуострове Сен-Софи, всего один раз и восхитился одноименным монастырем, где все еще живут два десятка монахинь ордена бенедиктинок.

До противоположной оконечности острова, мыса Сафранье, куда я сейчас направлялся, не доходила кольцевая сорокакилометровая дорога. Чтобы туда попасть, нужно было миновать последний северный пляж, Серебряную бухту, и проехать еще пару километров по узкой дорожке через сосновую рощу.

Согласно сведениям, которые мне удалось собрать за неделю, этот путь, носивший симпатичное название «тропа Ботаников», вел к берлоге Натана Фаулза. Наконец я уткнулся в алюминиевые ворота в высоком каменном заборе. Ни почтового ящика, ни фамилии владельца. Теоретически дом назывался «Южный Крест», но это ничем не подтверждалось. Таблички на воротах неласково сообщали нечто иное: «Частная собственность», «Вход воспрещен», «Злая собака», «Видеонаблюдение»… Ни звонка, ни какого-либо еще способа о себе сообщить я не нашел. Смысл был ясен: «Кто бы ты ни был, тебя здесь не ждут».

Я приставил велосипед к забору и побрел дальше. Вскоре сосны сменились густым кустарником: вереск, мирта, дикая лаванда. Через полкилометра я вышел на скалу, круто обрывавшуюся в море.

Рискуя переломать ноги, я нащупал шаткую опору и продолжил спуск. Наконец склон утратил крутизну, а еще через полсотни метров, обогнув внушительный валун, я узрел-таки жилище Натана Фаулза.

Вилла прижималась к скале. Это было сооружение в современном стиле – трехуровневый параллелепипед из железобетона, обвитый, как гирляндами, балконами, со спускающейся к морю каменной лестницей. В растущем прямо из камня цокольном этаже зияли корабельные иллюминаторы. За его широкими воротами находился, судя по всему, лодочный ангар. У деревянных сходней покачивался на воде сверкающий лаком деревянный моторный катер Riva Aquarama.

Осторожно прокравшись по камням, я заметил на балконе второго этажа движущуюся тень. Неужели это сам Фаулз? Я приставил ладонь козырьком ко лбу, чтобы рассмотреть силуэт. Мужчина на веранде… пристраивал к плечу приклад ружья.

2

Я едва успел нырнуть за камень, как прогремел выстрел. Пуля со звоном отскочила от камня в четырех-пяти метрах позади меня, и я чуть не оглох. Целую минуту я простоял, боясь пошевелиться, с бешено бьющимся сердцем, дрожа всем телом, обливаясь потом. Одибер не соврал: Фаулз и впрямь тронулся умом, раз открывает стрельбу по непрошеным гостям. Я никак не мог отдышаться. Предостережение было недвусмысленным, голос разума требовал, чтобы я бежал отсюда без оглядки. Но вопреки ему я решил не отступать, наоборот, дерзко выпрямился и стал приближаться к дому. Фаулз спустился и красовался теперь на помосте, нависшем над скалой. Вторая пуля вонзилась в ствол поваленного ветром дерева, меня обдало древесной трухой. Никогда еще я так не трусил, тем не менее, пересиливая себя, знай себе прыгал с камня на камень. Натан Фаулз, чьи романы я обожал, не мог переродиться в заурядного убийцу. Но, словно взявшись меня переубедить, он выпалил и в третий раз. Всего в полуметре от моей ноги взвился столбик пыли.

Я сократил расстояние между нами до нескольких шагов.

– Проваливай! Это частная собственность! – крикнул он со своего помоста.

– Это не причина в меня стрелять!

– Для меня – очень даже причина!

Мне в глаза било солнце. Фаулз был для меня просто силуэтом без отличительных черт. Коренастый человек среднего роста, в панаме, в темных очках с синеватыми стеклами. Главное, он продолжал в меня целиться, готовый снова открыть огонь.

– Чего тебе здесь надо?

– Я пришел к вам, месье Фаулз.

Я снял со спины рюкзак и полез в него за рукописью «Застенчивых вершин».

– Меня зовут Рафаэль Батай. Я написал роман. Мне бы хотелось, чтобы вы его прочли и высказали свое мнение.

– Плевать мне на твой роман. Ты не имеешь права здесь появляться и меня донимать.

– Я слишком вас уважаю, чтобы донимать.

– Тем не менее ты это делаешь. Если бы уважал, то уважал бы и мое право на приватность.

Присоединившийся к Фаулзу на веранде красивый пес – золотистый ретривер светлой масти – принялся меня облаивать.

– Почему ты не остановился, когда я начал стрелять?

– Я знал, что вы меня не убьете.

– С чего ты это взял?

– Вы же написали «Лорелею Стрендж» и «Сраженных молнией».

Ослепленный солнцем, я услышал, как он усмехается.

– Если ты воображаешь, что писатели обладают теми моральными свойствами, которыми наделяют своих героев, то ты очень наивен, если не попросту глуп.

– Послушайте, мне просто нужны ваши советы. Я хочу писать лучше.

– Советы? Ни один совет еще не сделал ни одного писателя лучше! Будь у тебя голова на плечах, ты сам бы давно об этом догадался.

– Никогда не вредно уделить немного внимания другому.

– Никто не может научить тебя писать. Этому приходится учиться самому.

Фаулз в легкой задумчивости опустил ствол и погладил свою собаку.

– В общем, ты явился за советом и уже его получил. А теперь убирайся.

– Можно оставить вам рукопись? – спросил я, все же доставая пачку страниц из рюкзака.

– Нет, я не стану это читать. Даже не думай.

– Как же с вами непросто!

– Ладно, еще один совет: займись чем-нибудь другим, забудь про писательство.

– То же самое мне все время твердят родители.

– Вот видишь, они умнее тебя.

3

От внезапного порыва ветра камень, на котором я переминался, захлестнуло волной. Спасаясь от воды, я перепрыгнул на другой камень и оказался еще ближе к писателю. Тот снова вскинул свое ружье – двуствольный охотничий «ремингтон вингмастер», такие можно увидеть в старых кинофильмах.

– Как тебя зовут? – спросил он, когда волна схлынула.

– Рафаэль, Рафаэль Батай.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре года.

– Давно мараешь бумагу?

– Всю жизнь. Меня ничего не интересует, только это.

И, воспользовавшись тем, что завладел его вниманием, я выдал монолог: объяснил, что с самого детства чтение и сочинительство для меня – спасательные круги, избавление от посредственности и абсурдности мира, что я выстроил себе из книг внутреннюю цитадель…

– Ты долго еще будешь утомлять меня своими клише? – не выдержал он.

– Это не клише! – возмутился я и, оскорбленный, запихал свою рукопись обратно в рюкзак.

– Мне бы твои годы! Я бы точно мечтал не о писательстве, а о чем-нибудь другом.

– Почему?

– Потому что писательское существование – наименее гламурное из всех, что только можно себе представить, – сказал Фаулз со вздохом. – Ты хочешь вести жизнь зомби – одинокую, в отрыве от людей? Хочешь проводить целые дни в пижаме, портить глаза перед экраном, давиться холодной пиццей, беседовать с вымышленными персонажами, постепенно сводящими тебя с ума? Ночи напролет истекать кровавым потом, корпя над фразой, которую три четверти твоих паршивых читателей даже не заметят? Вот что значит быть писателем.

– Вообще-то не только это…

Но Фаулз уже меня не слышал, его понесло:

– Хуже всего то, что ты становишься невольником этого дерьмового существования, потому что пребываешь в иллюзии, что ручка и клавиатура превращают тебя в демиурга, мастера подправлять реальность.

– Вам хорошо так говорить, вы всего добились.

– Чего я добился?

– У вас миллионы читателей, слава, деньги, литературные премии, девушки занимают очередь, чтобы лечь в вашу постель…

– Знаешь, если ты пишешь ради денег и девок, то лучше найди себе другое занятие.

– Вы понимаете, что я имею в виду.

– Не понимаю. Не знаю даже, зачем я с тобой болтаю.

– Я оставлю вам рукопись.

Не обращая внимания на его недовольство, я забросил рюкзак к нему на помост.

От неожиданности писатель шарахнулся в сторону, поскользнулся, шлепнулся на камни, вскрикнул, попытался подняться.

– Вот чертовщина! Ногу подвернул!

– Простите. Сейчас я вам помогу.

– Лучше не подходи! Хочешь помочь – держись подальше. Глаза бы мои тебя не видели!

Он подобрал ружье и прижал к плечу приклад. Я не сомневался, что в этот раз он не промахнется. Отпрыгнув, я бросился наутек, виляя между валунами и даже, пренебрегая достоинством, перемещаясь на четвереньках, лишь бы меня не догнала пуля разъяренного писателя.

Удаляясь, я не мог не думать о причинах его горького разочарования. Я начитался его интервью, данных до 1999 года. Прежде чем распрощаться с литературой, Фаулз раздавал их весьма охотно, демонстрировал доброжелательность, неизменно подчеркивал свою любовь к чтению и писательству. Что же заставило его так перемениться?

Почему человек, оседлавший вершину славы, вдруг отвергает все, что любил делать, все, что его сделало и что его кормит, почему замыкается в одиночестве? Что такого чудовищного стряслось в жизни Фаулза, что он от всего отвернулся? Тяжелая депрессия? Траур? Болезнь? Пока еще никто не сумел ответить на эти вопросы. Что-то мне подсказывало, что если мне удастся проникнуть в загадку Натана Фаулза, то осуществится и моя мечта: моя книга увидит свет.

В сосновом лесу я снова сел на велосипед, вернулся на дорогу и покатил назад в город. День прошел не зря. Пусть Фаулз ничему меня не научил, зато он сделал кое-что получше: подсказал сногсшибательный сюжет для романа и вселил в меня энергию, необходимую, чтобы кинуться писать.

3

Список писательских покупок

Я не принадлежал к своре плохих писателей, притворяющихся, будто пишут только для самих себя. Для себя пишут только списки покупок, чтобы выбросить, когда все будет куплено. Все остальное – послания, адресованные другим.

Умберто Эко. Откровения молодого романиста

Три недели спустя,

8 октября 2018 г., вторник

1

Натан Фаулз был в негодовании и растерянности.

Он полулежал в кресле, положив на обитую мольтоном банкетку правую ногу в гипсе, и в отчаянии скрежетал зубами. Его пес Бранко – единственная небезразличная ему живая душа – уже два дня как куда-то запропастился.

Золотистый ретривер если и пропадал иногда, то не более чем на пару часов. С ним, несомненно, случилась беда: беднягу сбила машина, он лежит где-то раненый или его украли.

Прошлым вечером Натан позвонил в Нью-Йорк литературному агенту Джасперу Ван Вику, своему главному связующему звену с миром, одному из немногих, имевших право именоваться его другом, и попросил у него совета. Джаспер вызвался обзвонить всех коммерсантов в Бомоне. Кроме того, по его просьбе было изготовлено и разослано по всем адресам на острове объявление, обещавшее тысячу евро тому, кто найдет собаку. Теперь оставалось только скрестить пальцы и ждать.

Натан с кряхтением уставился на свою загипсованную лодыжку. Еще не было одиннадцати, а ему уже хотелось виски. Вот уже три недели он лежал загипсованный из-за этого балбеса Рафаэля Батая. Сначала он решил, что просто растянул ногу и проблема будет устранена при помощи льда и пары таблеток парацетамола. Но, проснувшись на следующее утро после инцидента с непрошеным гостем, он понял, что так легко не отделается. Отек не спал, более того, он не мог сделать и шагу, не взвыв от боли.

Пришлось вызвать Жан-Луи Сикара, единственного на Бомоне врача. Этот оригинал уже тридцать лет колесил по острову на старом мопеде. Его диагноз был обескураживающим: разрыв связок и суставной сумки, сильное повреждение сухожилия.

Сикар прописал пострадавшему полную неподвижность, а главное, наложил гипс аж до самого колена, чем на все эти три недели обрек его на сумасшествие.

Теперь Фаулз метался по дому на костылях, как лев в клетке, пожирая во избежание тромбов антикоагулянты. Но, на его счастье, уже менее чем через сутки должно было грянуть избавление. С утра пораньше он, вообще-то редко пользовавшийся телефоном, не смог не позвонить старому эскулапу, чтобы убедиться, что тот не забыл о назначенном визите. Он даже уговаривал Сикара не тянуть и прибыть немедленно, но из этого ничего не вышло.

Телефонные трели вывели Фаулза из летаргии. Писатель обходился без мобильной связи, без почтового адреса, без компьютера, довольствуясь старым бакелитовым телефоном на переносной деревянной стойке – условной границе между гостиной и кухней. По этому телефону он только звонил сам, никогда не отвечая на звонки; когда ему звонили, включался автоответчик этажом выше. Но сегодня он, горюя по собаке, изменил своим привычкам: встал и потащился на костылях к аппарату.

Звонил Джаспер Ван Вик:

– Потрясающая новость, Натан: Бранко нашелся!

Фаулз испытал колоссальное облегчение.

– С ним все в порядке?

– Жив-здоров! – заверил его агент.

– Кто его нашел?

– Молодая женщина увидела его на дороге близ полуострова Сен-Софи и доставила в «Уголок Эда».

– Ты попросил Эда привезти Бранко сюда?

– Девушка хочет сделать это сама.

Натан сразу почуял ловушку. Сен-Софи на противоположном конце острова, это самая удаленная от мыса Сафранье точка. Вдруг эта особа похитила собаку, чтобы с ним познакомиться? В начале 80-х годов журналистка Бетти Эппс провернула подобный трюк с Сэлинджером: назвавшись вымышленным именем, превратила банальный разговор в интервью, которое потом продала американским газетам.

– Кто она такая?

– Матильда Моннэ. Кажется, швейцарка, отдыхает на острове: снимает комнату рядом с бенедиктинским монастырем. Работает журналисткой в женевской «Ле Тан».

Фаулз горестно вздохнул. Если бы хоть цветочница, колбасница, медсестра, летчица… Какое там, журналистка!

– Нет уж, Джаспер, это явная западня!

Он хватил кулаком по косяку. Ему позарез был нужен его пес Бранко, а он был позарез нужен псу, но поехать за ним на машине он никак не мог. Но стоит ли это того, чтобы совать голову в петлю? ЖУРНАЛИСТКА из «Ле Тан»… Он вспомнил корреспондента этой газеты, когда-то бравшего у него интервью в Нью-Йорке. Тот корчил из себя всезнайку, но романа, ясное дело, не читал. Хуже всех как раз такие журналисты, расхваливающие вашу книгу, ничего в ней не поняв.

– Вдруг то, что она журналистка, простая случайность? – предположил Джаспер.

– Случайность? Ты свихнулся или насмехаешься?

– Брось, Натан, не кипятись. Пусть приедет в «Южный Крест», ты заберешь у нее собаку и выставишь ее.

Сжав трубку, Фаулз потер веки, выгадывая дополнительные секунды на размышление. С загипсованной ногой он чувствовал себя беззащитным и страшился ситуации, которую не сможет контролировать.

– Ладно, – скрепя сердце уступил он. – Пусть едет. Матильда Моннэ, говоришь? Жду ее в середине дня. Объясни ей, как сюда попасть.

3

Был полдень. Потратив двадцать минут на уговоры, я сумел продать экземпляр манги «Дальние края», шедевр Танигучи, и теперь улыбался, довольный собой. Не прошло еще и месяца, а я уже сумел преобразить книжный магазин. Метаморфозой это не назовешь, но перемен было немало, и все существенные:

стало больше света и воздуха, посетителя встречала улыбка, а не насупленная физиономия. Я даже добился от Одибера разрешения заказать несколько книг, чтение которых не побуждало к раздумьям, а позволяло уноситься мыслями в неведомую даль. Все вместе, пускай это были мелочи, говорило об одном: культура может приносить удовольствие.

Надо отдать владельцу магазина должное: он развязал мне руки. Он оставил меня в покое и даже нечасто спускался в магазин, покидая свою квартиру только с целью опрокинуть на площади рюмочку-другую. Погрузившись в бухгалтерию, я убедился, что он сгущал краски: положение магазина было далеко не катастрофическим. Будучи владельцем недвижимости, Одибер, как и многие другие коммерсанты Бомона, получал от собственницы острова, компании семьи Гальинари, щедрые субсидии. Немного старания и динамизма – и магазину можно было вернуть былой блеск и даже, как мне мечталось, писателей, подписывающих для благодарных читателей свои книги.

– Рафаэль?

В дверь просунул голову Питер Макфарлейн, хозяин соседней булочной. Этот симпатичный шотландец четверть века назад поменял один остров на другой. Его пекарня славилась провансальской пиццей и сладким рождественским хлебом. Заведение носило забавное название Bread Pit, поскольку в тысяче миль от Бомона игра слов всегда была в почете. Заимствовать ее отказывались лишь немногие зануды, вроде Эда с его унылым «Уголком».

– Заглянешь на аперитив? – предложил мне Питер.

Дня не проходило, чтобы кто-нибудь не позвал меня на церемонию аперитива. В полдень люди рассаживались на террасах и смаковали кто пастис, кто гордость острова, белое вино «Терра-дей-пини». Сперва это казалось мне деревенской причудой, но я быстро втянулся в игру. На Бомоне все друг друга знали. Куда бы вы ни забрели, всюду попадались знакомые, с которыми можно было приятно посудачить. Люди не жалели времени на жизнь, на беседу, что для меня, привыкшего к серости, агрессивности, отравленной среде Парижа, было в новинку.

Я примостился с Питером на террасе «Флёр-дю-Мальт» и стал с деланым безразличием разглядывать лица вокруг. Мне хотелось высмотреть белокурую

Матильду Моннэ, забредшую накануне к нам в книжный магазин. Она проводила на Бомоне отпуск, сняв комнату неподалеку от монастыря бенедиктинок. У нас она купила все три романа Натана Фаулза, хотя утверждала, что уже их читала. Умница, забавная, светлая! После нашего двадцатиминутного разговора я никак не мог прийти в себя. В голове засела мысль, что нам надо снова увидеться.

Единственное, что меня совершенно не устраивало в последние недели, – это то, что я мало писал. Моя задумка – книга о загадке Натана Фаулза, для которой я уже придумал название – «Тайная жизнь писателей», – совсем не продвигалась. Не хватало материала, да и сюжет не складывался. Я бомбардировал Джаспера Ван Вика, агента Фаулза, электронными письмами, но тот, естественно, не собирался мне отвечать; жители же острова, сколько я их ни расспрашивал, не сообщали ничего нового.

– Что там за странная история? – спросил Одибер, присоединяясь к нам с бокалом розового вина.

Вид у моего патрона был озабоченный. По площади уже десять минут гулял безумный слух, лишивший всех покоя. Двое любителей пеших походов из Нидерландов нашли труп. Случилось это на пляже Тристана, единственном на юго-западном берегу острова. Местечко там чудесное, но опасное. В 1990 году там погибли два ребенка, игравшие у скал. Несчастный случай сильно травмировал тогда островитян. В бурно жестикулирующей группе я опознал Анджело Агостини, одного из муниципальных полицейских. Увидев, что он уходит, я увязался за ним, пробежался по узким улочкам и настиг его в порту, когда он уже садился на свой трехколесный мотороллер.

– Вы едете на пляж Тристана? Можно мне с вами?

Агостини удивленно оглянулся. Это был рослый лысый корсиканец, симпатяга, любитель детективов и братьев Коэн. Я с наслаждением заразил его своей любовью к Сименону, открыв для него «Самоубийц», «Человека, который смотрел, как проходят поезда», «Синюю комнату».

– Поехали, если хочешь, – согласился корсиканец, пожимая плечами.

Даже на главной дороге острова мотороллер не разгонялся быстрее тридцати-сорока километров в час. У Агостини был встревоженный вид. Ему не

переставали поступать пугающие эсэмэс, наводившие на мысль, что речь идет не о несчастном случае, а об убийстве.

– В голове не укладывается… – бормотал он. – Убийство на Бомоне – немыслимое дело!

Я хорошо его понимал. На Бомоне не существовало преступности в подлинном смысле слова. Нападений не случалось, краж, собственно, тоже. Казалось, здесь так безопасно, что люди оставляли ключи во входных дверях и коляски с младенцами перед магазином. В местной полиции служили не то четверо, не то пятеро человек, их работа состояла главным образом в беседах с населением, в обходах и в отключении случайно сработавший сигнализации.

4

Дорога петляла среди скал. До Тристана-бич мы тащились добрых двадцать минут. Притормаживая на виражах, мы не столько видели, сколько угадывали за гектарами сосновых массивов большие белые виллы.

Внезапно пейзаж резко поменялся: перед нами раскинулась настоящая пустыня, завершающаяся пляжем с черным вулканическим песком. Здесь Бомон больше смахивал на Исландию, чем на близлежащий остров Поркероль.

– Что еще за столпотворение?

Утопив педаль газа в пол, благо что прямая дорога шла под уклон, Анджело Агостини погнал мотороллер с призовой скоростью сорок пять километров в час, как будто решил протаранить скопление из десятка машин, перегородивших дорогу. Вблизи ситуация прояснилась. Затор устроили сыщики, нагрянувшие с Большой земли. Агостини оставил свой «болид» на обочине и стремительно пошел вдоль обтянутого белыми лентами периметра. Я ничего не понимал. Каким образом вся эта орава – я опознал полицию Тулона и даже фургон судмедэкспертов – умудрилась столь оперативно высадиться в этом богом забытом месте? Откуда взялись целых три служебные машины? Как вышло, что никто не видел их в порту?

Присоединившись к любопытным, я навострил уши и понемногу восстановил ход утренних событий. В восемь часов двое заночевавших неподалеку голландских студентов наткнулись на труп женщины. Они немедленно связались с комиссариатом полиции в Тулоне, а там оформили разрешение использовать аэроглиссер таможни для переброски на остров армады полицейских с тремя автомобилями. Для секретности полицейские высадились на бетонном причале Сарагота, километрах в десяти отсюда.

Агостини я нашел в сторонке, на придорожном камне. Он был сильно огорчен, даже унижен тем, что его не допустили к месту преступления.

– Известно, кто жертва? – поинтересовался я у него.

– Еще нет. Вроде как не из местных.

– Почему полиция нагрянула так быстро и в таком количестве? Почему никого не предупредили?

Корсиканец рассеянно покосился на экран своего телефона.

– Из-за особенностей преступления. А еще из-за фотографий, которые прислали эти юнцы.

– Голландцы сделали снимки?

Агостини кивнул.

– Нащелкали и разместили в Твиттере. Снимки красовались там несколько минут, а потом их удалили. Но остались принтскрины.

– Можно посмотреть?

– Я бы не советовал, зрелище не для продавца книжек.

Вот еще! Я мог бы сам увидеть их в «Твиттере».

– Как знаешь…

Он сунул мне свой телефон, и от того, что я увидел, меня чуть не вырвало. Там был не просто женский труп. Возраст несчастной трудно было определить, настолько изуродовано было лицо. От ужаса к горлу подкатил ком. Обнаженное тело непонятным образом – может, его прибили гвоздями? – держалось на стволе гигантского эвкалипта. Я увеличил изображение. Ладно бы еще гвозди, но нет, труп пришпилили к дереву, разворотив плоть и раздробив кости, не то секаторами для веток, не то инструментами каменотеса.

5

Матильда Моннэ ехала на пикапе с откидным верхом через лес в сторону мыса Сафранье. На заднем сиденье лаял, озирая пейзаж, пес Бранко. Чувствовал он себя прекрасно. Морской бриз смешивался с эвкалиптовым духом и с ароматом перечной мяты, на дорогу ложились красновато-золотистые блики осеннего солнца, проникавшие сквозь сосновую хвою и кроны дубов.

Подъехав к каменному забору, Матильда вылезла из машины и дальше следовала инструкциям Джаспера Ван Вика. Рядом с алюминиевыми воротами она нашла в стене камень, отличавшийся более темным цветом, – под ним было спрятано переговорное устройство. Матильда позвонила, оповещая о своем появлении. Раздался скрип, ворота открылись.

Через большой запущенный парк вела грунтовая дорога. Густая чаща состояла из секвой, земляничника и лавра. Потом дорога свернула на склон, откуда открывался вид на море и дом Фаулза – строение строгих геометрических форм из охряного камня, стекла и бетона.

Стоило Матильде остановить пикап рядом с машинкой, принадлежавшей, должно быть, самому писателю – «Мини-Моком» защитной расцветки с лакированными торпедо и рулем, – как золотистый ретривер выскочил наружу и помчался к хозяину, ждавшему его в дверях.

Писатель, опиравшийся о костыль, при виде четвероногого друга не смог скрыть радости. Матильда направилась к нему. Она представляла его пещерным человеком, старым угрюмым дикарем в рубище, с длинными лохмами

и нечесаной бородой. Но перед ней предстал свежевыбритый, коротко стриженный мужчина в голубой тенниске в тон глазам и полотняных брюках.

– Матильда Моннэ, – представилась она, протягивая руку.

– Спасибо, что привезли Бранко.

Она погладила пса по голове.

– Ваша встреча – отрадная картина. – Она указала на костыль и на гипс. – Надеюсь, ничего серьезного?

Фаулз кивнул.

– Завтра от этого останется только дурное воспоминание.

Поколебавшись, она продолжила:

– Вы, наверное, не помните, но мы с вами уже встречались.

Он недоверчиво шарахнулся от нее.

– Не думаю.

– Встречались, только давно.

– По какому случаю?

– А вы догадайтесь.

6

Фаулз знал, что скажет себе потом, что именно в этот момент надо было все прекратить. Сказать, как они условились с Ван Виком, «спасибо и до свидания» и скрыться в доме. Но он смолчал, замерев в дверях, как будто

загипнотизированный Матильдой Моннэ. На ней было короткое жаккардовое платье, кожаная мотоциклетная куртка, босоножки на высоком каблуке с узкими ремешками и с пряжкой на щиколотке.

Ему претило воспроизводить начало флоберовского «Воспитания чувств» – «это было как видение», но что поделать, если его опьянило что-то необъяснимое, полное чувства, энергии и солнца, исходившее от юной гостьи!

То было не бесконтрольное опьянение, а легкое головокружение, от которого он не спешил избавляться, глоток света, теплая волна – такая идет от поля пшеницы. Он ни на мгновение не усомнился, что способен с этим покончить, просто щелкнув пальцами, когда решит, что с него довольно этих чар.

– Объявление сулило вознаграждение в тысячу евро, но я готова ограничиться чаем со льдом, – сказала с улыбкой Матильда.

Избегая глядеть в зеленые глаза собеседницы, Фаулз вяло ответил, что прикован к дому и давно не делал покупок, поэтому на кухне у него шаром покати.

– Тогда стакан воды, – уступила она. – Жарко!

Обычно ему хватало чутья, чтобы правильно оценить человека. Первое впечатление чаще всего оказывалось верным. Но в этот раз он был слегка растерян и испытывал противоречивые чувства. В голове звенел тревожный звоночек. Но попробуй воспротивься этому исходящему от нее неуловимому, загадочному зову, этому свечению, соревнующемуся с ласковым октябрьским солнцем!

– Входите, – не устояв, позвал он.

7

Бескрайняя синева.

Матильду удивило, как дом пронизан светом. Входная дверь открывалась непосредственно в гостиную, за ней виднелись столовая и кухня. Огромные окна

всех трех помещений выходили на море, создавая впечатление, что оно плещется у самых ног. Пока Фаулз наливал в кухне воду в стаканы, Матильда наслаждалась магией дома и вкрадчивым шепотом морского прибоя. Обложенные кирпичом проходы между комнатами и балконом были настолько широки, что трудно было разобраться, где ты находишься – внутри или снаружи. Внимание привлекал подвесной камин посреди гостиной; в углу бетонная лестница с ослепительными перилами вела на следующий этаж.

Матильда ждала увидеть сумрачную нору и снова ошиблась. Фаулз не закопал себя на острове Бомон, напротив, он жил под синими небесами, вдыхал запах моря, подставлял лицо ветру.

– Можно полюбоваться вашей террасой? – спросила она Фаулза, протянувшего ей стакан с водой.

Писатель, не отвечая, вывел ее на сланцевую плиту балкона, где ей показалось, что если сделает еще шаг – рухнет в бездну. Осторожно приблизившись к краю балкона, Матильда испытала головокружение. На этой высоте стала понятнее архитектура трехэтажной конструкции, имитировавшей нарост на скале. Балкон, где она стояла, опоясывал второй этаж. Плиты представляли собой выступы, образующие крыши для нижнего этажа и опоры для верхнего. Матильда наклонилась и оглядела каменную лестницу, спускавшуюся вниз. Деревянные мостки на берегу служили причалом для великолепного катера Rima Aquarama, слепившего глаза лакированной древесиной и надраенным хромом.

– Как будто на носу корабля! – восхитилась гостья.

– Скорее, как на набережной, – возразил хозяин. – Этот корабль на вечном приколе.

Несколько минут они болтали обо всем и ни о чем. Потом Фаулз пригласил Матильду в дом, где она, бродя, как в музее, от экспоната к экспонату, подошла к этажерке, на которой громоздилась пишущая машинка.

– Я думала, вы больше не пишете, – сказала она, указывая кивком на эту древность.

Фаулз любовно погладил крутые бока машинки – миндально-зеленого бакелитового валуна фирмы «Оливетти».

– Это так, декорация. В ней даже ленты нет. – Он демонстративно пощелкал клавишами. – В мои времена уже существовали ноутбуки, представляете?

– Значит, не на ней вы написали ваши…

– Нет.

Она посмотрела на него с вызовом.

– Уверена, вы продолжаете писать.

– Напрасно. С тех пор я не написал ни строчки: ни крохотной аннотации к книге, ни даже списка покупок.

– Я вам не верю. Нельзя просто так взять и бросить дело, которому вы посвящали все свое время и которое…

Фаулз не дал ей договорить.

– Я подумал было, что вы не такая, как все остальные, и обойдете эту тему. Увы, я ошибся. Журналистское расследование, да? Вы журналистка, вы прокрались сюда, чтобы потом что-нибудь черкнуть про «загадку Натана Фаулза»?

– Клянусь, нет!

Писатель указал ей на дверь.

– Уходите. Я не в силах помешать фантазиям, но никакой загадки Фаулза нет в природе, понимаете? Разрешаю вам написать это в вашей газетенке.

Матильда не шелохнулась. Фаулз мало изменился с их прошлой встречи. Она запомнила его именно таким: внимательным, доступным, но при этом прямым и жестким. Вероятность того, что Фаулз останется Фаулзом, не приходила ей

в голову.

– Признайтесь, вам этого не хватает?

– Десяти часов в день перед экраном? Нисколько. Я предпочитаю проводить время в лесу или на пляже, гуляя с собакой.

– Все равно я вам не верю.

Фаулз покачал головой и вздохнул.

– Оставьте вашу сентиментальность. Это были всего лишь книжки.

– ВСЕГО ЛИШЬ КНИЖКИ? И я слышу это от вас?!

– Представьте себе. И, более того, сильно переоцененные.

Матильда не унималась:

– Как же вы убиваете время теперь?

– Размышляю, пью, стряпаю, пью, плаваю, пью, подолгу гуляю, снова пью…

– Как насчет чтения?

– Разве что детективы иногда, книги по истории живописи и по астрономии. Перечитываю кое-какую классику. Но все это неважно.

– Почему?

– Потому что планета стала пеклом, обширные части мира объяты пламенем, истекают кровью, люди голосуют за опасных психопатов и тупят в социальных сетях. Всюду все трещит по швам, вот я и…

– Не вижу логики.

– Вот я и думаю, что есть вещи поважнее, чем пытаться выяснить, почему двадцать лет назад некто Натан Фаулз бросил писать.

– Читатели продолжают вас читать.

– Чего вы от меня хотите? Я не могу им помешать. И потом, как вам отлично известно, успех зиждется на недоразумении. Это сказал, кажется, Дюра. Или Мальро? Больше тридцати тысяч проданных экземпляров – уже недоразумение…

– Читатели вам пишут?

– Похоже на то. Я слышу от агента, что на мое имя приходит много почты.

– Вы ее читаете?

– Вы шутите?

– Почему?

– Потому что мне это неинтересно. Как читателю мне ни разу не приходило в голову написать автору понравившейся мне книги. Скажите честно, вы представляете, что стали бы писать Джеймсу Джойсу, потому что вам нравятся «Поминки по Финнегану»?

– Нет. Во-первых, я не смогла прочесть оттуда больше десяти страниц, а во?вторых, Джеймс Джойс умер за сорок лет до моего рождения.

Фаулз покачал головой.

– Ну вот что. Спасибо, что вернули мне собаку, но теперь вам лучше уйти.

– Я тоже так думаю.

Он вышел вместе с ней и проводил ее до машины. Она попрощалась с собакой, но не с Фаулзом.

Он смотрел, как она отъезжает, загипнотизированный изяществом ее движений, но при этом испытывая облегчение, что избавился от нее. Прежде чем она нажала на педаль газа, он все-таки воспользовался тем, что она еще не подняла стекло. Ему нужно было унять тревожный звоночек у себя в голове.

– Вы сказали, что мы уже встречались, только давно. Где это было?

Ее зеленые глаза впились в его.

– В Париже, весной 1998 года. Мне было четырнадцать лет. У вас была встреча в Доме подростка. Вы даже подарили мне «Лорелею Стрендж», оригинальную английскую версию.

Фаулз никак не отреагировал: либо ничего такого не помнил, либо это было слишком далекое воспоминание.

– Я прочла «Лорелею Стрендж», – сообщила Матильда. – Книга очень мне помогла. У меня не создалось впечатления, что она переоценена. И даже мысли не возникло ни о каком недоразумении.

Тулон, 8 октября, 2018

Раздел «Регламентация морского судоходства»

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕФЕКТА № 287/2018

об учреждении зоны временного запрета судоходства и прочей деятельности на море в акватории о. Бомон (Вар)

Эскадренный вице-адмирал Эдуард Лефебюр, морской префект Средиземноморья

Исходя из статей 131–13–1 и раздела 610–5 Уголовного кодекса, статей Транспортного кодекса L5242 и L5242–2, Постановления № 2007–1167 от 2 августа 2007 г. о правах на управление и на обучение управлению спортивными моторными плавательными судами, Постановления № 2004–112 от 6 февраля 2004 г. об организации государственной деятельности на море, учитывая: открытие уголовного дела по факту обнаружения тела на о. Бомон, Тристана-бич, необходимость проведения правоохранительными органами расследования на острове, необходимость обеспечения сохранности вещественных доказательств и установления истины

ПРИКАЗЫВАЮ:

П. 1: Запретить в морской зоне департамента Вар любое мореплавание в радиусе 500 м вокруг о. Бомон, включая перевозку людей на остров и с него, с момента опубликования настоящего Распоряжения.

П. 2: Положения настоящего Распоряжения не распространяются на морские суда, исполняющие общественные функции.

П. 3: Любое нарушение настоящего Распоряжения, равно как решений, принимаемых для его осуществления, карается штрафами и административными санкциями согласно статьям L5242–1 и L5242–6–1 Транспортного кодекса и статье R610–5 Уголовного кодекса.

П. 4: Директор департамента территорий и акватории Вара и сотрудники, отвечающие за навигацию, обязаны в рамках своей компетенции осуществлять настоящее Распоряжение, публикуемое в Бюллетене административных актов морской префектуры Средиземноморья.

Морской префект Средиземноморья

Эдуард Лефебюр

Взять интервью у писателя

1) Интервьюер задает вопросы, интересные ему, но не вам.

2) Из ваших ответов он отбирает только те, которые ему подходят.

3) Он излагает их по-своему, исходя из собственного способа мышления.

Милан Кундера. Искусство романа

9 октября 2018 г., вторник

1

Поселившись на Бомоне, я завел привычку просыпаться на заре. Быстренько приняв душ, я бежал к Одиберу, завтракавшему на деревенской площади, на террасе «Форт-де-Кафе» или «Флер-дю-Мальт». Мой патрон обладал изменчивым нравом: то бывал молчалив и замкнут, то вдруг становился словоохотлив, даже болтлив. Мне он, кажется, симпатизировал. Во всяком случае, его симпатии хватало, чтобы каждое утро приглашать меня к себе за столик и угощать чаем и тостами с инжирным вареньем. Этот экопродукт, «приготовленный в деревенском котелке» – «Варенье матушки Франсуазы», которое сбывали туристам по цене черной икры, – был одним из главных сокровищ острова.

– Доброе утро, мсье Одибер.

Патрон оторвал глаза от газеты и поприветствовал меня озабоченным ворчанием. Со вчерашнего дня островитяне лишились покоя. Голый женский труп, прибитый к старейшему на острове эвкалипту, – от такой новости подпрыгнет даже паралитик. К утру я уже знал, что это дерево, прозванное Бессмертным, с давних пор служило на острове символом единения. Подобная мизансцена не могла быть случайностью, загадку усугубляли ужасные обстоятельства смерти несчастной женщины. Тревогу жителей усугубило решение морского префекта о блокаде острова с целью создания условий для расследования. Челнок-паром встал на прикол в порту Сен-Жюльен-ле-Роз, береговая охрана получила приказ патрулировать прибрежные воды

и арестовывать все частные плавсредства, плывущие на остров или с острова. Иными словами, покинуть остров, как и прибыть на него, стало невозможно. Эта навязанная Большой землей строгость страшно разозлила бомонцев, желавших оставаться хозяевами своей судьбы.

– Это преступление – ужасный удар по острову! – гневно заявил Одибер, складывая свой номер «Вар-Матен».

Газета была вечерняя, доставленная последним паромом. Садясь, я скользнул взглядом по первой странице и увидел шапку: «Черный остров». Невеселая перекличка с Эрже![4 - «Черный остров» – название 7-го альбома комиксов (1937 г.) о приключениях Тинтина знаменитого бельгийского художника Ж. П. Реми, известного под псевдонимом Эрже. – Прим. пер.]

– Посмотрим, к чему придет следствие.

– К чему тут приходить? – повысил голос книготорговец. – Женщину замучили до смерти и пригвоздили к Бессмертному. Ясно, что по острову разгуливает опасный безумец!

Я скорчил гримасу, хоть и знал, что в словах Одибера есть резон. Лакомясь тостом с вареньем, я пробежал статью, не содержавшую почти ничего нового, потом достал телефон, чтобы найти сведения посвежее.

Накануне я набрел на Твиттер некоего Лорана Лафори, парижского журналиста, навещавшего сейчас на Бомоне свою матушку. Он не делал особой чести своей профессии. Отметившись на сайтах L’Obs и Marianne, он стал пиарщиком нескольких радиостанций. Его следы в Интернете были худшими из возможных примеров низкопробной журналистики: непристойности, брань, шуточки ниже пояса, провокации, систематические ретвиты видео, привлекающих разве что неисправимых дебилов, подыгрывание низменным инстинктам, раздувание страхов и беспочвенных фантазий, распространение пустых выдумок, спекуляции вокруг безумных теорий заговора и тому подобное.

Благодаря блокаде Лафори оказался единственным «журналистом» на острове и вот уже несколько часов вовсю эксплуатировал это привилегированное положение: дал в прямом эфире интервью каналу France?2 и разослал свое фото по всем информационным агентствам.

– Вот ведь засранец!..

Увидев на экране моего телефона физиономию журналиста, Одибер разразился ругательствами. Накануне в выпуске восьмичасовых новостей Лафоре ухитрился оскорбить как островитян, якобы прячущих какие-то постыдные секреты «за высокими стенами своих роскошных вилл», так и всемогущих Гальинари, «настоящих Корлеоне, всех запугавших и заваливших деньгами и требующих держать язык за зубами». Продолжая в том духе, Лоран Лафори рисковал вызвать ненависть у всего Бомона. Здешние жители как огня боялись дурной славы в массмедиа, настолько в них въелась за долгие годы привычка не привлекать внимания. В Твиттере этот тип еще больше злословил, распространяя похожие на правду слухи, на которые не могли не клюнуть полицейские и юристы. Я был резко против засорения информационного поля мусором, но любопытство заставило меня временно забыть о возмущении.

Последнему твиту Лафори не было еще и получаса. Это была ссылка на его блог. Я кликнул по ней и перешел на статью, сводившую воедино все, что успело выяснить следствие. По данным журналиста, жертву еще не опознали. Не знаю, было ли правдой сенсационное откровение, завершающее текст: на момент прикрепления к стволу эвкалипта-гиганта труп несчастной был заморожен! Из этого следовало, что смерть могла наступить еще несколько недель назад.

Мне пришло прочесть это еще раз, чтобы убедиться, что до меня дошел смысл. Одибер, привставший, чтобы прочесть статейку через мое плечо, потрясенно шлепнулся на табурет.

Пробуждающийся остров ждала совершенно новая для него реальность.

2

Натан Фаулз проснулся в добром расположении духа, чего с ним давно не бывало. Он проспал допоздна и без спешки позавтракал. Потом он добрый час слушал на веранде старые виниловые пластинки Гленна Гульда, куря одну сигарету за другой. На пятой фортепианной композиции он спросил себя чуть ли не вслух, откуда взялась эта легкость. Немного поборовшись с собой, он признал, что единственное объяснение его хорошего настроения – воспоминание о Матильде Моннэ. Он все еще ощущал ее присутствие – луч света, невесомую

поэтичность, легчайший аромат духов. Нечто неуловимое, бесплотное, грозившее вот-вот испариться, поэтому он спешил насладиться этим, испить все до последней капли.

К одиннадцати настроение начало меняться. Легкость, с которой он пробудился, сменилась осознанием того, что он вряд ли снова увидит Матильду. В такие трезвые моменты он сильнее всего чувствовал свое одиночество. К полудню он решил отбросить ребячество, неуместную юношескую горячность и, наоборот, порадоваться, что отвадил молодую гостью. В его защитной броне не должно было появляться трещин, он не имел на это права. Он, правда, позволил себе мысленно просмотреть короткий фильм об их встрече и обнаружил один непонятный момент, одну подробность, которую необходимо было проверить.

Он позвонил Джасперу Ван Вику на Манхэттен. Агент ответил не сразу, угрюмым голосом. В Нью-Йорке было только шесть утра, Джаспер еще не встал с постели. Фаулз попросил его проверить публикации Матильды Моннэ последних лет в «Ле Тан».

– Что именно ты ищешь?

– Сам не знаю. Меня интересует любая находка, хоть как-то связанная со мной или с моими книгами.

– Хорошо, только учти, это займет некоторое время. Еще что-нибудь?

– Попытайся отыскать следы хранительницы медиатеки Дома подростков в 1998 году.

– Что это такое?

– Медицинское учреждение для подростков при больнице Кошен.

– Ты знаешь имя библиотекарши?

– Нет, забыл. Ты займешься этим?

– Займусь. Перезвоню, как только что-то раскопаю.

Фаулз побрел в кухню сварить себе кофе. За эспрессо он попытался что-то вспомнить. Дом подростков, расположенный у Пор-Руайяль, оказывал помощь тем, кто испытывал проблемы с питанием, страдал депрессией, страхом перед школой, тревожными состояниями. Некоторых госпитализировали, некоторые лечились амбулаторно. Фаулз наведывался туда два-три раза и выступал перед пациентами – чаще это были пациентки. Один раз прочел лекцию, один раз принял участие в игре в вопросы-ответы, один раз дал советы учащимся писательского кружка. Имен и лиц он, конечно, не помнил, но у него остались приятные впечатления. Читательницы поражали вниманием, споры – плодотворностью, вопросы – продуманностью.

Как только он допил кофе, зазвенел телефон. Джаспер сработал оперативно.

– Я запросто нашел твою директрису медиатеки, спасибо LinkedIn. Ее зовут Сабина Бенуа.

– Теперь вспомнил, она самая.

– Она работала в Доме подростка до 2012 года. С тех пор трудится в провинции, в системе «Библиотека для всех». Судя по выложенным в Интернете последним данным, сейчас она в Дардони, в городе Трелисак. Дать телефончик?

Фаулз записал координаты Сабины Бенуа и сразу набрал ее номер. Для нее услышать его голос по телефону стало приятным сюрпризом. Фаулз не помнил ее лицо, зато помнил походку. Она была высокой подвижной брюнеткой с короткой стрижкой и заразительной сердечной манерой. Он познакомился с ней на Парижской книжной выставке и позволил уговорить его рассказать ее пациенткам о писательском ремесле.

– Я тут засел за мемуары, – начал он. – И мне понадобилась…

– Мемуары? Думаете, я вам поверю, Натан? – перебила она его со смехом.

Все-таки откровенность – лучшая политика.

– Я ищу сведения об одной пациентке Дома подростков. Это девушка, Матильда Моннэ, она была на моем выступлении.

– Не припоминаю, – сказала Сабина, немного поразмыслив. – Жаль, старея, я теряю память.

– Все мы хороши. Мне нужно узнать причину ее госпитализации.

– У меня больше нет доступа к этой информации, но даже если бы была…

– Перестаньте, Сабина, у вас наверняка сохранились контакты. Сделайте это для меня, окажите услугу, ну что вам стоит? Это важно.

– Попытаюсь, но ничего не обещаю.

Фаулз повесил трубку и отправился рыться в свой библиотеке. Приложив немало усилий, он нашел наконец экземпляр «Лорелеи Стрендж», первое издание, поступившее в продажу осенью 1993 года, и стряхнул с него ладонью толстый слой пыли. На обложке красовалась его любимая картина – «Девочка на шаре» Пикассо «розового» периода. Эту обложку придумал тогда сам Фаулз: создав коллаж, он предложил его издателю, а тот так слабо верил в эту книгу, что согласился. Первый тираж «Лорелеи» не превысил пяти тысяч экземпляров. Пресса на нее не отреагировала, и нельзя сказать, чтобы ее активно продвигали издатели, ждавшие развития событий. Книгу спасли молва, читательский энтузиазм. Больше всего она пришлась по сердцу девчонкам вроде Матильды Моннэ, узнавшим себя в героине. История, рассказанная в книге, весьма этому способствовала: это были встречи юной пациентки психиатрической больницы за одни выходные, целая галерея колоритных персонажей. Мало-помалу роман вскарабкался на вершину продаж и приобрел завидный статус литературного феномена. Те, кто поначалу презрительно фыркал, теперь спешно догоняли уходящий поезд. Роман читали молодые и старые, интеллектуалы, преподаватели, учащиеся, книгочеи и принципиальные противники чтения. Все бросились составлять мнение о «Лорелее Стрендж» и цитировать что-то такое, чего в ней не было. В этом и состояло большое недоразумение. С годами тенденция набрала силу, и «Лорелея» превратилась в своеобразную классику массовой литературы. По ней защищали диссертации, ею торговали в книжных магазинах, аэропортах, в журнальных секциях супермаркетов, иногда даже в отделах популярной психологии, что автора особенно бесило. И случилось то, что должно было случиться: еще не перестав писать, Фаулз возненавидел свой роман и не желал о нем говорить – настолько невыносимо было чувствовать себя невольником собственной книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Герой романа Г. Мюссо «Бумажная девушка». М.: Эксмо. – Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, прим. перев.

2

Персонаж романа Г. Мюссо «Девушка и ночь». М.: Эксмо.

3

Atwood Margaret. Negotiating with the dead: a writer on writing. Cambridge University Press, 2002. P. 47.

4

«Черный остров» – название 7-го альбома комиксов (1937 г.) о приключениях Тинтина знаменитого бельгийского художника Ж. П. Реми, известного под псевдонимом Эрже. – Прим. пер.

Купить: https://tellnovel.com/ru/giyom-myusso/taynaya-zhizn-pisateley

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить